

мастерстве нарымских сказочников. Песни и частушки подобраны со вкусом и достаточно полно характеризуют богатую песенную традицию Нарыма. Сборник И. Г. Парилова удачным подбором публикуемого материала выгодно выделяется среди других областных сборников (ср., например, «Советский фольклор Чкаловской области», Чкалов, 1947 или «Шумел сурово брянский лес», Брянск, 1946, в которых зачастую публиковались низкопробные в идейном и эстетическом отношении тексты). Сборник свидетельствует о том, что устное творчество советского народа, выросшее на богатой традиции прошлого, развивается и крепнет, обогащается качественно новыми произведениями, отражающими новую счастливую жизнь советского народа.

Л. Пушкарев и Л. Старцева.

Byliny Přeložil Petr Kříčka, Sfinx. Bohumil Janda. Praha, 1946.

Громадный интерес к советской литературе за рубежом был засвидетельствован выставкой переводов последней, устроенной в Москве Союзом советских писателей. В славянских странах этот интерес особенно глубок, и направляется он не только на советскую литературу, но и на все великое русское искусство. Этим можно объяснить появление рецензируемой книги, в подготовке которой принимали участие Jiří Hořák и Petr Kříčka (подбором текстов), VI. Peremilovskij (составлением объяснительной статьи к изданию былин) и Bohumil Janda (изданием книги в издательстве Sfinx). Книга дает 35 былин и исторических песен с короткой статьей о них. К сожалению, в книге отсутствуют примечания с указанием, откуда взяты тексты и что они собою представляют. Надо заметить, что в популярном издании, каким является рецензируемая книга, такие примечания необходимы.

Если помещенные в книге былины дают более или менее полное представление об этом жанре русского фольклора, имеющем громадное художественное значение, то об исторических и «низших эпических» песнях читатели не смогут вынести правильного представления — ввиду их помещения в книге в чрезвычайно малом количестве.

В книге опубликовано пять былин об Илье Муромце, три былины о Добрыне, а остальные повествуют о других богатырях: Алеше Поповиче, Вольге, Микуле, Святогоре, Михаиле Даниловиче, Василии-пьянице, Михаиле Казаринове, Сухмане, Ставре, Хотене Блудовиче, Садке, Василии Буслаевиче, Соловье Будимировиче, Чуриле — или представляют собою песни: «Непра и Дон» и «Гибель богатырей». Таким образом оказываются недостаточно освещенными богатыри Добрыня и Алеша Попович, и совершенно отсутствуют песни о богатырях: Дюке, Дунае, Михайле Поточе, Даниле Ловчанине и др. Да и самый выбор отдельных былин не всегда обоснован: непонятно, например, исключение из сборника былины о молодости Василия Буслаевича; былина о поездке его в Иерусалим не дает полной характеристики этого замечательного былинного героя; также было бы лучше напечатать былину «Святогор и тяга земная», чем менее значительную, рассказывающую о его смерти, и т. д. Протест вызывает помещение былины «Алеша и Тугарин» только в ее первой половине (182 стиха), тогда как именно конец былины ярче всего раскрывает идейный смысл образа Алешы Поповича, несмотря на наличие в этом варианте некоторых противоречий в ходе рассказа.

Совершенно не выдерживает критики выбор текстов исторических песен. В сборнике даны песни: «Ермак и его поход в Сибирь», «Стенька Разин» и «Смерть Грозного». Отбор этих песен очень спорен. «Смерть Грозного», например, не является произведением первостепенной значимости, и непонятно, почему выбрана эта песнь, а не «Взятие Казани», «Грозный и сын», песни из Смутного времени и XVIII в. Также обращает внимание, что из цикла песен о Степане Разине взята одна из наименее характерных. Равным образом подбор «низших» эпических песен носит односторонний характер (включены песни только о безымянных персонажах).

Размещение текстов в книге воскрешает порядок печатания их в изданиях XIX в.: сначала напечатаны былины о Вольге, Святогоре, потом об Илье Муромце, Добрыне, Алеше, затем об остальных богатырях. Такое размещение былин основывается на концепциях романтико-идеалистической теории мифологической школы, разделяющей богатырей на старших и младших. Советские издания былин обычно размещают их или по степени популярности богатырей (сначала песни об Илье, Добрыне, Алеше), или по времени хронологического приурочения былин (сначала о Добрыне, Алеше — издание Сабашникова), или по циклам — киевскому, новгородскому, или, наконец, по характеру былин (воинские, новеллистические).

В выборе текстов редакторы издания шли научным путем, заимствуя их, как удалось установить, из лучших изданий былин XIX в.: Кириши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга (кроме песни о Вавиле и скоморохах, взятой из Архангельских былин Григорьева). Из собрания Кириши взяты девять текстов былин, из Киреевского — три, остальные из Рыбникова и Гильфердинга. Однако ненаучным с точки зрения техники издания былин, установившейся еще со времени печатания Онежских былин Гильфердинга, нужно считать печатание их без указания, от каких сказителей (певцов) они записаны. В сборнике былины, взятые из собраний Рыбникова и Гильфердинга, как удалось установить, принадлежат в некоторых случаях

крупнейшим мастерам былевого эпоса (Т. Г. Рябинину, Ник. Прохорову и др.), в других же — сказителям, давшим малохудожественные тексты (Лазареву и др.). Эстетический принцип отбора не применен последовательно и таким образом не обеспечивает показа русского героического эпоса в его лучших образцах.

Перевод с русского на чешский сделан «стих за стихом» (каждый стих перевода соответствует стиху русского оригинала). Учитывая, что в русской народной поэзии каждый стих должен давать самостоятельную мысль, следует признать этот принцип правильным. Самые переводы сделаны достаточно точно — за исключением отдельных частностей. Так, песня о наезде литовцев начинается так:

Tam v té zemi Panů, v kraji Hulánů
dva bratři byli tam, dva Litovci.

Между тем в оригинале мы имеем иной смысл: «На Паневе было, на Уланеве || Жило было два брата, два Ливика». Таким образом семейное прозвище (Ливики) здесь, как и во всем последующем тексте чешского перевода, заменено названием народности (Litovci). Между тем это прозвище (Ливики) с соответствующими видоизменениями (Витвики, Витники) удерживается и в других вариантах этой былины. В переводе былины «Iřa a modla-obluda» (Илья и Идолище) пропадают особенности былиного текста, касающиеся описания внешнего вида Идолища («А головоище что ведь люто лохалище, || А глазища что пивныи чашища, || А нос-то на рже — он с локоть был!»):

Jak škopek důkladný ja jeho palice,
a jeho očiska jak pivni sulenice,
nos pak je dlouhý jistě na loket.

Между тем можно было взять иной вариант этой былины, который — при отсутствии диалектизмов — был бы более легок для перевода без потери своей выразительности.

При сравнении нового чешского издания былины с изданиями их, выполненными в странах Западной Европы в 20—30-х годах, делается очевидным, что рецензируемая книга не может быть признана решительным шагом вперед.

Известны, например, следующие переводы былин: 1) на французский язык — «Les bylines russes». Introduction, traduction et commentaires par L. Jousserandot. Paris, 1927 (173 стр.) и 2) на английский язык — «Russian Heroic Poetry», by K. Chadvik. Cambridge, 1932 (294 стр.). Согласно предисловию к французскому переводу былины Жуссерандо, собрание русских былин публикуется во Франции в первый раз; в книге приведено 17 текстов, в том числе 16 былинных (цикл песен об Илье Муромце дан более полно — добавлены сверх включенных в чешский перевод еще два былинных сюжета) и одна историческая песня о Грозном. Переводчик не дает указаний, какие варианты былин и из каких собраний им использованы, но он приводит русскую (скудную) и французскую библиографию изучения былин. По-инному построено английское издание былинных переводов у Chadvik'a, которому принадлежит и позднейшее громадное трехтомное исследование устной поэзии народов всего мира, где большое внимание уделено русскому фольклору. Здесь приводятся 16 былинных текстов (в переводе) на стр. 33—152: четыре — о Вольге, Микуле и Святогоре, три — об Илье Муромце и по одному — об Алеше, Добрыне, Чуриле, Дюке, Соловье Будимировиче, Ставре, Василии Буслаевиче и Садке, причем былина об Алеше и здесь дана по варианту Кирши в первой ее части (150 из 340 стихов), и большое число переводов исторических песен (из цикла песен об Иване Грозном, цикла песен о Петре Великом, цикла песен XVIII в. и новейшего периода и др.). Каждый былинный текст здесь сопровождается коротким указанием, от какого сказителя записан текст и в каком собрании он помещен (четыре текста Рябинина, один Кузьмы Романова, три из собрания Кирши Данилова, два Чукова, по одному — Сивцева, Федотова-Дутикова, Антонова, Меньшиковой и т. д.).

Таким образом с точки зрения издательской техники, не говоря уже о полноте и репрезентативности материала, чешское издание 1946 г. оказывается даже шагом назад по сравнению с другими иностранными изданиями переводов былин. Что же касается выявления идейного содержания былин, то все указанные издания не выдерживают критики. Эти издания искажают характер и направленность русского героического эпоса: у Чадвика выпущен (думаем сознательно) весь цикл песен о Степане Разине, хорошо изученный в советское время и привлекавший к себе внимание и ранее (к Разину проявил большой интерес еще А. С. Пушкин, собиравший песни о нем); в чешском издании дана одна малохарактерная песня этого цикла. В составе былин не приведена песня о Даниле Ловчанине, в которой князь Владимир решается известить своего богатыря и верного слугу, чтобы жениться на его красавице-жене. В чешском издании показ буйного Василия Буслаевича, как мы сказали выше, дается былиной, повествующей, как он ездил молиться, а не другой, лучше рисующей

¹ Песни. собр. Рыбниковым, т. II, М., 1903, 362; Гильфердинг. Онежские былины, изд. Акад. Наук, СПб., 1894, т. I, 328.

его — об его бое с новгородцами. Следует подчеркнуть, что в изданном сборнике были революционное, прстестующее начало русского народа, нашедшее свое яркое отражение и в традиционном героическом эпосе, оказывается приглушенным.

Если обратиться к объяснительной статье о былинах Перемиловского (стр. 247—262), то она свидетельствует, что автор знает труды новейших советских ученых по изучению былин, например, «Курс русского фольклора» Б. М. Соколова 1929—30 г., знакомился с новейшими изданиями былин, например, с II томом «Былин» Крюковой, но оттуда он черпает только то, что он сам считает ценным, игнорируя остальное. Так, во всей статье былины рассматриваются как остатки старины XI—XII вв.— и только. Статья не касается исторических песен, «нижних эпических» песен, былин, сложенных на Севере (например, былины о Рахте Рагнозерском, текст которой, однако, приведен) и, наконец, новейших былин (новин), сложенных в советское время. Раскрытия жизни исторического эпоса на разных этапах его существования в статье нет.

Резкое возражение вызывает утверждение автора статьи, что интерес к фольклору, а также собиране и начало изучения былин обусловлены влиянием немецкой романтической школы в 30-х годах XIX в. В фольклористической науке за последнее десятилетие это обветшалое положение было разбито во многих работах (М. К. Азадовского и других советских фольклористов). Установлено, что интерес к народному творчеству был обусловлен всем ходом исторического развития России в XVIII в. и особенно усилился в связи с сделанными в начале XIX в. научными открытиями и изданиями (Слово о полку Игореве — 1800 г., сборник былин Кириши Данилова — 1804 г.), причем интерес этот питался и рос в условиях патриотического подъема в связи с войнами с Наполеоном, особенно с Отечественной войной 1812 г. Показателем этого интереса в литературе является сочинение эпических поэм Львовым (Добрыня), А. Н. Радищевым (Бова), Радищевым-сыном (Алеша-Попович и Чурило Пленкович), театральных представлений из жизни богатырей — Державиным (Добрыня), Крыловым (Илья богатырь, 1807 г.) и т. д. А Перемиловский ничего не находит сказать о войне 1812 г., как только то, что «Отечественная война 1812 г. со своими всесторонними, большими последствиями заглушила в памяти народа старые песни о пирах Владимира Красное Солнышко, о поездках Ильи Муромца, о неудавшейся женитбе Алеша Поповича». На чем основаны такие данные автора статьи, — остается совершенно непонятым.

В соответствии с этим В. Перемиловский готов объяснить зарождение русского эпоса воздействием норманнов; недаром при дворе Ярослава Мудрого жили два скальда — Зигварт и Гаральд, место которых позже заступили русские певцы(!) И старейшим героем, воплощенным в русском эпосе, оказывается конунг, завоеватель, пришедший на Русь «для грабежа», князь вещей Олег Норман, прототип Ильи Муромца (Олег — Вольга — Eligas — Пја).

Видя в былинах только остатки старины, В. Перемиловский не интересуется современным их состоянием, совершенно игнорирует вопрос о сказителях, как передатчиках и исполнителях былин, тогда как глубокое и всестороннее изучение этого вопроса — заслуга советской фольклористики.

Повествуя подробно о собиране былин, автор объяснительной статьи говорит о работе ученых в этой области, кончая Гильфердингом, все же последующее у него сливается в одно целое: он не видит принципиальной разницы между дореволюционной и советской наукой и не желает выделить работы в области фольклористики, произведенные в советское время.

Вполне естественно, что такой подход оставляет В. Перемиловского на позициях фольклористики приблизительно 1915 г., и этим объясняется его отношение к работам советских ученых: он берет у них только новый материал, а новые методы, новое освещение остаются для него книгой за семью печатями. Приходится пожалеть, что изданная книга не дает надлежащего освещения величественного русского эпоса и поэтому не может удовлетворить усиливающийся за рубежом, в частности в Чехословакии, интерес к русскому народному творчеству.

А. Позднеев

НАРОДЫ АФРИКИ

Давид Ливингстон, *Путешествия по Южной Африке с 1840 по 1855 г.* Редакция проф. Д. С. Баркова, Гос. изд. географ. литературы, М., 1948.

Давид Ливингстон, прославленный исследователь Африки, родился в 1813 г. в городе Блентайре (Шотландия). Отец Ливингстона не был обеспеченным человеком, и десятилетний Давид поступил на ткацкую фабрику. Окончив вечернюю школу, он, не прекращая работы, продолжал свое образование в колледже г. Глазго, упорно занимаясь медициной и классическими языками. Одновременно изучал богословие. Двадцати семи лет Ливингстон получил диплом врача. Знакомство с Робертом Моффатом (миссионером, много лет проработавшим в Южной Африке) решило судьбу молодого человека. В 1841 г. Ливингстон, член Лондонского миссионерского общества, высадившись на берег Южной Африки, поселился в стране бечуанов в местечке Куру-